

КОММЕНТАРИИ

© Е.И. Филиппова, В.Р. Филиппов

КАТУНСКИЙ ПРОЕКТ: КАК ЭТО БЫЛО

Статья «“Этнологическая экспертиза”»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов» посвящена важной научной и прикладной проблеме – состоянию и перспективам “этнологической экспертизы” в России. Автор справедливо указывает на то, что, несмотря на широкую распространенность и уже достаточно длительную историю такого рода исследований, до сих пор нет не только разработанных методик или строгого законодательного регулирования их проведения, но даже общего понимания того, что такое “этнологическая экспертиза”. Этому способствует (или этим определяется) и то обстоятельство, что, в отличие от других форм экспертных работ – экологических или историко-культурных, имеющих государственный статус, – этнологическая экспертиза “является основой для выработки неких рекомендаций, имеющих или – чаще – не имеющих обязательной силы”. Нельзя не согласиться и с тем, что “все такого рода экспертизы <...> выполняются вне контекста мировой прикладной антропологии”. В то же время утверждение об отсутствии попыток выйти при проведении этнологической экспертизы за рамки “этнических интересов”, традиционности и исконности верно лишь отчасти. Мы хотели бы проиллюстрировать это примером упомянутого в статье Катунского проекта, в реализации которого нам довелось принимать самое непосредственное участие в составе экспедиции кафедры этнографии исторического факультета МГУ в 1988 г.

Действительно, техническое задание на проведение этнологической экспертизы включало в себя вопросы об устойчивости “алтайского этноса” и его культуры, и мы не могли обойти их молчанием, однако очень скоро стало очевидно, что основной конфликтный потенциал предполагаемого строительства был связан не с угрозой “традиционной культуре”, а с опасениями массового притока мигрантов, причем опасения эти выказывали как представители индигенного населения, так и русские. Поэтому наше исследование сосредоточилось в основном именно на возможных социальных последствиях проекта, таких как усиление социальной конкуренции, межгрупповой напряженности, конфликтности, обострение криминогенной об-

---

Елена Ивановна Филиппова | <http://orcid.org/0000-0001-9186-6763> | elena_filippova89@yahoo.fr | д.и.н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Василий Рудольфович Филиппов | <https://orcid.org/0000-0003-0501-8528> | fvr1957@mail.ru | д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра изучения стран тропической Африки | Институт Африки РАН (ул. Спиридоновка 30/1, Москва, 123001, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 15-18-00099 П]

становки и т.п. Помимо упомянутого в дискуссионной статье опроса экспертов оно включало и массовый опрос в Шебалинском и Усть-Коксинском районах, т.е. в зоне непосредственного влияния предполагаемого строительства. Он был организован таким образом, что охватывал разные по составу жителей населенные пункты: с преобладающим алтайским (относительно традиционным и более урбанизированным) и преобладающим русским (старожильческим/староверческим и мигрантским) населением. Всего в пяти поселках было опрошено 303 человека, выборка производилась по похозяйственным книгам механическим путем (через равные интервалы). В нашем распоряжении нет текста экспертного заключения, однако о выводах, полученных в результате исследования, позволяют судить опубликованные нами в начале 1990-х годов статьи (Филиппова, Филиппов 1992: 14–23, 1993: 63–76, Филиппов, Филиппова 1993: 188–209). Конечно, с позиции сегодняшнего дня они выглядят во многом архаично и, безусловно, грешат этноцентризмом. Терминологический аппарат включает и “этнические процессы”, и “этнические общности”, и “консолидацию/ассимиляцию алтайского этноса”, и “межэтнические отношения”, и даже “этнофоров” – весь набор, характерный для позднесоветской этносоциологии. Однако нельзя не учитывать того обстоятельства, что этноцентризм был присущ не только научному, но и общественному дискурсу того времени – периода “национального возрождения”, разворачивавшегося на фоне масштабных социальных перемен, краха советской идеологии с ее центральным концептом “дружбы народов” и обострившейся конкуренции за ресурсы, зачастую воспринимавшейся через призму “этнических” различий и мобилизовавшей эти различия для достижения своих целей. Поэтому было бы преувеличением считать, что “этноцентристская” парадигма была навязана нами населению.

Кроме того, при анализе собранного материала подтвердилось предположение, что этническая проблематика (сохранность “традиционной” культуры и “алтайского этноса”) является не только не единственной, но и не главной при оценке последствий предполагаемого масштабного строительства. Была выявлена зависимость отношения к ожидаемой массовой миграции от возраста респондентов (оказалось, что пенсионеры настроены менее негативно, чем экономически активное население), а также от их социально-профессиональных характеристик (неквалифицированные рабочие чаще высказывались против, специалисты – за строительство), от типа и местонахождения населенного пункта (жители попадавших в зону затопления деревень, ожидавшие улучшения своих жилищных условий в результате переселения, и урбанизированных равнинных поселков намного чаще положительно оценивали перспективы миграции по сравнению с обитателями высокогорных населенных пунктов, которые не затрагивало напрямую строительство ГЭС). Прогнозируя последствия индустриализации и урбанизации (изменение репродуктивных установок, рост числа смешанных браков, разрушение традиционного хозяйственного уклада и исчезновение рудиментов прежней социальной организации), мы в то же время писали о том, что появление новых рабочих мест будет способствовать укреплению трудоспособного населения в регионе и, в частности, предотвратит отток молодежи, а также изменит социально-профессиональную структуру алтайцев в сторону увеличения доли квалифицированных рабочих и специалистов. Наконец, мы сделали вывод о том, что стремление части национальной интеллигенции консервировать этническую специфику является не только утопичным, но и эгоистичным и что при определении стратегии экономического и социально-культурного развития любого региона необходимо обеспечить приоритет интересов личности над интересами этнических, социальных или иных групп. Видимо, именно этот вывод не удовлетворил местную интеллигенцию, и ее лидеры настояли на том, чтобы

заказчик экспертизы — “Гидропроект” — привлек местных специалистов из университета Горно-Алтайска, которые подготовили альтернативное заключение. Судя по всему, именно из него взята приводимая в статье цитата (“Долина средней Катуня связана с этносом и мироощущением алтайского народа, и поэтому реализация проекта нанесет ущерб его духовной культуре”), поскольку в нашем заключении ничего подобного не было. А вот письма “возмущенных жителей автономной области, прежде всего алтайцев, требовавших разрешить строительство ГЭС на их земле”, которые “хорошо запомнились” сотрудникам кафедры, нас не удивили. В ожидании прихода в села электричества люди тогда накопили впрок различных электроприборов, почти в каждом доме мы видели нераспакованные стиральные машины и холодильники, приобретенные по бартеру в Японии, куда алтайцы поставляли маральи панты и папоротник. Очевидно, наши респонденты решили, что именно экспедиция МГУ, а не поборники “традиционности и исконности” из числа местной интеллигенции, живущей в городских квартирах со всеми удобствами и горячо убеждавшей нас в том, что “чабанам на стоянках электричество не нужно”, повинна в том, что от строительства ГЭС тогда отказались.

Мы решили рассказать об этом неудачном опыте участия в этнологической экспертизе не только для того, чтобы восполнить лакуну в информации, но и для того, чтобы показать, что даже находясь в рамках “этноцентристского подхода” (трудно было бы ожидать иного в 1988 г. — еще до появления “конструктивистского манифеста” В.А. Тишкова [Тишков 1989] — от воспитанников советской этнографической школы), можно было принимать во внимание другие факторы и аргументы и не вставать под знамена “антикатунского движения” этноромантиков.

© О.А. Мурашко

ТАК ЧЕМУ ЖЕ УЧИТ ОПЫТ “ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ”?

Заявленная автором задача статьи: “...все такого рода экспертизы — при их очевидной нацеленности на принесение пользы местным индигенным сообществам во что бы то ни стало — выполняются вне контекста мировой прикладной антропологии и с опорой на концепты этноса, традиционности (традиционной культуры), исконности и ряда иных, не имеющих особой познавательной и эвристической ценности. Собственно говоря, последними соображениями и определяются задачи и структура статьи”, — воплотившаяся в критике текстов российских авторов (замеченных в попытках проведения “этнологических экспертиз”) с позиций “мировой прикладной антропологии”, мне представляется несколько странной и методологически непродуктивной. При этом в статье содержится ряд существенных неточностей.

Например, утверждение автора: «С принятием “Положения об оценке воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации” (приказ Госкомэкологии РФ № 372 от 16 мая 2000 г.), которое